

Ю. А. Артамонов, А. А. Гиппиус
(Москва)

Древнерусские надписи Софии Константинопольской

В статье дается общая характеристика средневековых славянских надписей-граффити собора св. Софии в Константинополе (Стамбуле). Почти все выявленные к настоящему времени надписи имеют восточнославянское происхождение и сделаны выходцами из Руси. Около половины из них относятся к домонгольской эпохе. Отдельные имена допускают идентификацию авторов граффити с лицами, упоминаемыми в летописях и иных источниках.

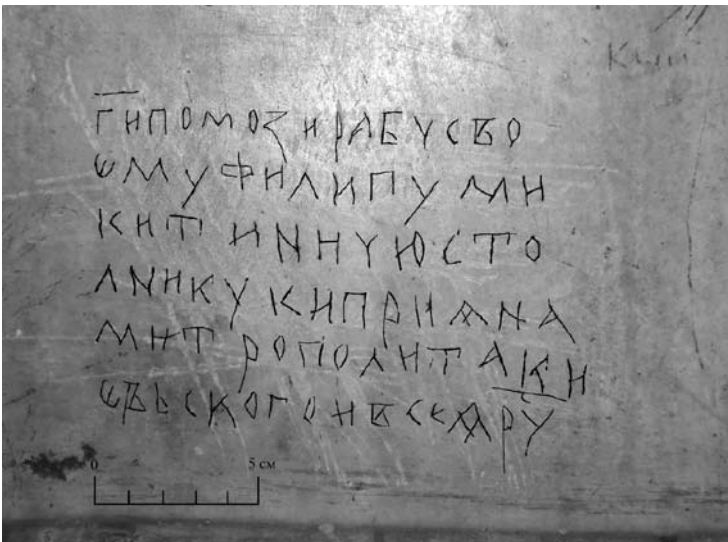
Ключевые слова: *эпиграфика, граффити, Константинополь, Софийский собор, паломничество.*

Надписи-граффити на стенах храмов — наиболее массовая разновидность древнерусской эпиграфики: именно в этой форме дошло до нас подавляющее большинство автографов жителей домонгольской Руси. В количественном отношении церковные граффити до последнего времени уступали лишь берестяным грамотам; но это отставание, как стало ясно благодаря новейшим разысканиям, было лишь следствием неполноты публикаций основных комплексов древнерусской храмовой эпиграфики: действительное количество надписей, сохранившихся на стенах Софийских соборов Киева и Новгорода, в несколько раз превышает число текстов, изданных в монографиях С. А. Высоцкого и А. А. Медынцевой¹.

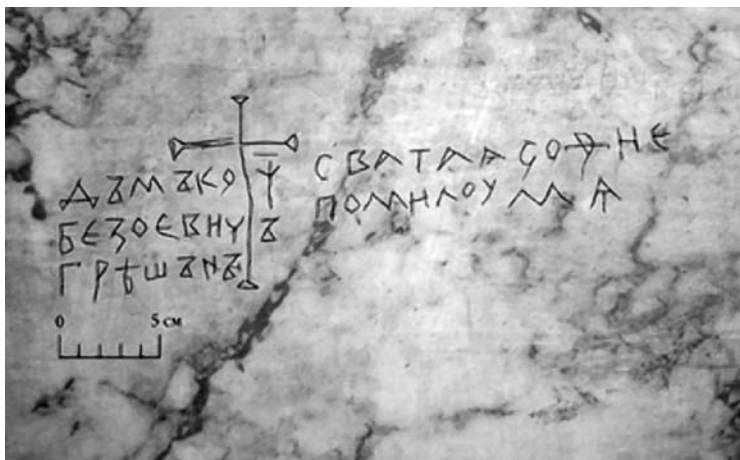
Неиспользованные ресурсы ожидают исследователей древнерусской эпиграфики и вне географических пределов Руси. Важнейшим из них, безусловно, является комплекс русских граффити Софийского собора Константинополя. Построенный в 532–537 гг. по распоряжению императора Юстиниана Великого храм св. Софии был первым из православных церквей Византийской империи и в этом качестве привлекал к себе паломников из разных стран «сдружества», в том числе из Руси. Посещение «святой Софии» было для древнерусского человека главной целью паломничества в Царьград. «Се азъ недостойныи... — писал в самом начале XIII в. новгородский архиепископ Антоний, — приидохомъ во Царьградъ. Преже по-

клонихомся святѣи Софѣи...»². Дьякон Троице-Сергиева монастыря Зосима, посетивший Константинополь в конце 1419 — начале 1420 г., свидетельствует, что по прибытии в город обошел все святые места, но первым делом («первое») «поклонихся святой великой церкви Софеи, идеже патриарх живетъ»³. Кафедральный собор Константинополя не могли, разумеется, миновать и те, кто посещал столицу империи не с собственно паломнической целью, но по делам: церковным, торговым, дипломатическим. Зримым свидетельством этих посещений являются надписи, оставленные выходцами из Руси на стенах, колоннах и балюстрадах собора.

До самого последнего времени русские средневековые надписи св. Софии в Константинополе-Стамбуле не становились объектом целенаправленного изучения. Хотя попытки привлечь внимание специалистов к этому источнику неоднократно предпринимались. В 1954 г. Кирилл Манго, отметив, что эпиграфика собора еще ожидает своего исследователя, опубликовал в прорисовке и прокомментировал надпись Филиппа Микитинича, стольника митрополита Киприана (1375–1406)⁴ (илл. 1). В 1977 г. тексты шести восточнославянских граффити привел в краткой заметке О. Горбач, без прорисовок и точного описания их местонахождения⁵. Еще одна надпись — Якова Григорьевича, писаря митрополита Герасима — была опубликована И. Калаврезу-Максайнер и Д. Оболенским на основе материалов съемки разноязыч-

Илл. 1. Надпись Филиппа Микитинича (прорись по фотографии).

Илл. 2. Надпись Домки Безуевича.

ных граффити собора, осуществленной в 1969 г. Робертом и Барбарой ванн Найс⁶. Издатели отнесли граффито ко времени посвящения смоленского епископа Герасима патриархом Иосифом II в сан митрополита Киевского и всея Руси, которое состоялось между 1 сентября 1432 и началом 1433 г. В 1999 г. пять ранее неизвестных русских средневековых надписей были опубликованы А. А. Алексеевым⁷. Таким образом, из публикаций до последнего времени было известно о тринадцати древнерусских надписях в св. Софии Константинопольской; из них только три были изданы в прорисовке.

Планомерная работа по выявлению, фиксации и описанию русских средневековых граффити собора св. Софии, проводимая авторами статьи с 2007 г., позволила значительно увеличить их число⁸. Всего на сегодняшний день выявлено более семидесяти таких надписей; их сводная публикация в настоящее время готовится к печати. В настоящей статье мы хотели бы остановиться на некоторых особенностях, определяющих своеобразие древнерусского эпиграфического комплекса Софии Константинопольской.

Хронологически русские граффити Царьграда (подчеркнем, что речь идет только о средневековых надписях) приблизительно поровну распределяются между ранне- и позднерусским периодами. По предварительной оценке, около половины выявленных граффити относятся к домонгольскому времени. Одной из древнейших по палеографии и языку является надпись на восточной стене центральной части южной галереи: «Дъмъко ѿ Безоевичъ гръшъны. Сватаг Сооие, помилоу ма» (илл. 2). Одноеровая графика указывает на вре-

мя не позднее первой трети XII в. Архаичное отчество писавшего — *Безуевичь* (записанное с пропуском *у*) — соотносится с именем автора датируемого XI в. граффито № 102 киевского Софийского собора: «Гѣ помози рабоу своему Безуеви Иванж отроку Добрынича»⁹.

В отличие от киевских и новгородских граффити, сделанных преимущественно местными жителями, все русские надписи Константинополя — автографы людей пришедших. Отсюда — относительно высокий удельный вес граффити, включающих указание на происхождение писавшего: «Стефанось роусинь диякъ», «Данилос из Новагорода из Нижнего» (отметим стремление писавших грецизировать свои имена), «Матфѣи попь галичьскыи», «Гѣ помози рабу бжюу Сѣстафию москвитину», «Георги вышегородць, Коурила, Тѣшька»; «Ивань писалъ ...мы пришл[ы](и)¹⁰» (из (Костро)мы? (Ки-неш)мы?)¹¹.

С формальной точки зрения сюда же можно было бы отнести и надпись на колонне рядом с мозаиками в восточном конце южной галереи. Подобно надписи Домки Безуевича, она сделана при изображении креста и гласит: «Сватаа Софие! Гръчинъ ѡлъ». Очевидно, однако, что *Гречинь* здесь — не этноним, а прозвище русского человека. Из источников XII в. (к которому, судя по начертаниям букв, относится надпись) известен один носитель такого прозвища, который вполне мог бы претендовать на авторство граффито. Это знаменитый Олисей Петрович Гречин — новгородский боярин, священник и церковный художник, усадьба которого была исследована в 1970-х гг. на Троицком раскопе¹². Сопоставление летописных упоминаний с показаниями берестяных грамот позволяет считать его сыном боярина Петра Михалковича, в 1155 г. выдавшего дочь за князя Мстислава Юрьевича. Предполагается, что свое прозвище и профессию иконописца Олисей Петрович вынес из Византии, куда в 1162 г. направился изгнанный из Руси Андреем Боголюбским Мстислав Юрьевич и где его, несомненно, сопровождала жена, сестра будущего Гречина¹³.

Стоит заметить, что далеко не самое частотное на Руси имя *Олисей* также представлено в русской эпиграфике св. Софии. Мы находим его в ряду имен, перечисленных в замечательной надписи, сделанной на перилах самой правой балюстрады северо-западной экседры храма и датируемой второй половиной XII — началом XIII в.: «Гѣди, помъзи рабомъ своимо Иванови, Гюргеви, Костантинови и Олисееви и Олекосе постоаовоши на сихо мествхо, амино». Некоторые из авторов софийских граффити оставили в ней по два автографа (из уже названных лиц это Филипп Микитинич, нижегородец Дани-

ил и москвич Остафий). Вполне возможно, что и Олисей Гречин не довольствовался общей надписью с упоминанием его имени и сам расписался на колонне у мозаик, на этот раз обозначив себя прозвищем.

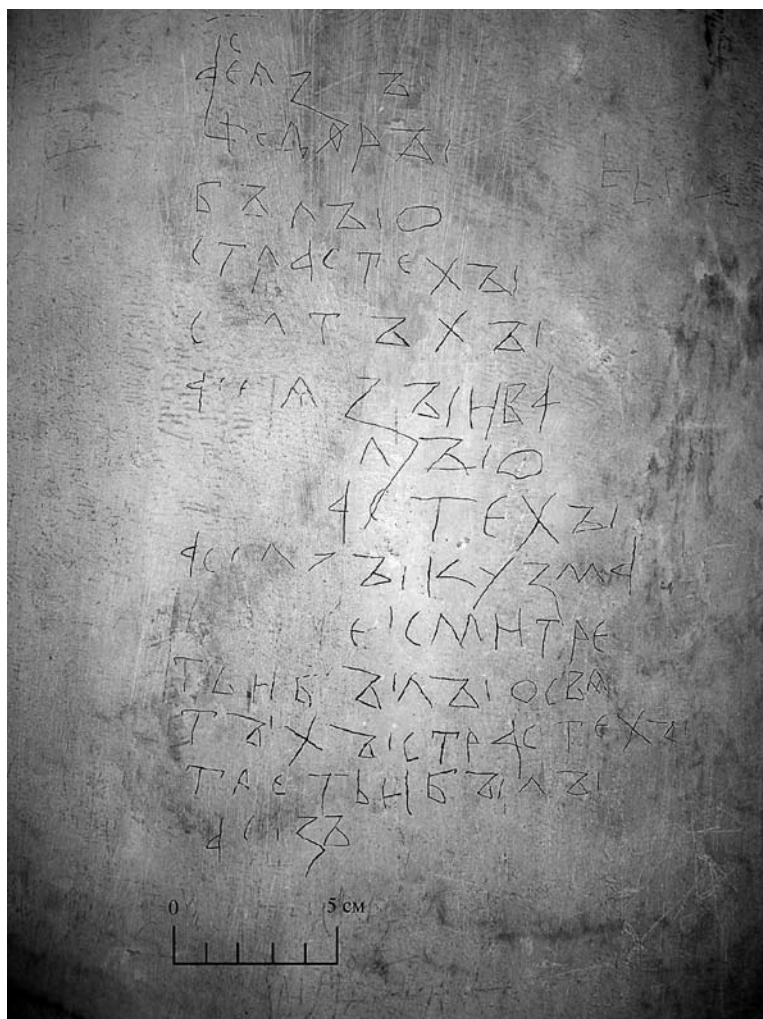
Только что процитированный текст может служить и яркой иллюстрацией еще одной особенности древнерусских граффити Софии Константинопольской: заметную часть комплекса составляют коллективные надписи, называющие два и более имен. Из источников известно, что богомольцы и купцы редко отправлялись в далекий путь в одиночку — как правило, они объединялись в более или менее значительные группы: коллективное путешествие было и дешевле, и безопаснее. Помимо уже приведенных, такую практику отражают надписи домонгольского времени: «[Радък](о) Θ[ъ]ма Гео[р]ъги, геньвара...»; «Помани ги Ѳедора Съмена гръшьною», «Ги помози рабома своима [Доб]рославуо и Съ...»¹⁴. Особый интерес представляет граффито (также домонгольское), сделанное на той же балюстраде, что и надпись с упоминанием имени Олисея: «Василь ѱлъ Онаниче и Говена Марea греш(ен)аа тако [пъ]сал[а е]м[оу]». По всей вероятности, Василь Онаньич и Говена-Марья — супруги, и надпись является памятником их семейного паломничества в Царьград. Любопытно, что граффито, судя по формулировке, сделано женщиной, примеров чего мы практически не знаем на Руси, хотя данные берестяных грамот свидетельствуют о значительном распространении женской грамотности.

О коллективном посещении собора гостями из Руси говорит и тот факт, что отдельные древнерусские надписи довольно часто объединяются в группы. Такую группу образуют, в частности, четыре надписи, сделанные почерками XII — нач. XIII в. на паре «подсвечников», фланкирующих место императрицы в центре западной галереи, и находящейся к северу от них колонне. На северном подсвечнике читается уже приведенная запись Доброслава. На южном читаем: «ги пози (sic! вм. помози) рабоу своему именемъ Гостилови»; с двух сторон колонны сделаны надписи: «Завиде ѱал Данетин» и «Ги помози рабоу своему Иванови у стъ». Диалектное окончание *-e* в имени *Завиде* показывает, что писавший был новгородец. Это позволяет трактовать фрагмент «устъ» в записи Ивана как недописанное у *стъ(и Софие)* с также новгородским окончанием прилагательного *-ѣи*. Недописанным осталось, по всей вероятности, и отчество Завида — *Данетин(ичь)*, а также имя спутника Доброслава, начинавшееся на *Съ-*. Тот факт, что из четырех надписей три остались незаконченными, позволяет думать, что писавших просто согнали с «престижного» места, не дав до конца реализовать амбициозного намерения. Ха-

рактерно, что никаких других надписей на колоннах и подсвечниках нет, при том что перила балюстрады в этом месте сплошь исписаны.

Самое крупное из объединений древнерусских надписей находится на широком подоконнике замурованного окна в восточной стене северной галереи и включает более двадцати граффити, палеографически и лингвистически датируемых второй половиной XII — началом XIII в.: «Лазоре Къстелевиче», «Михале Котеле», «Ивано Иванковиче», «Ивань Сониловичъ ѿ гѣ прости», «Станимиръ», «Добрына Судошин», и др. По всей вероятности, большинство надписей комплекса были сделаны одновременно, при посещении храма св. Софии большой группой русских паломников или купцов. Отражение цоканья («Грозил[а] (Гю)рге[в]иц-», «Васил(и)[и] И[ванковиц-]») указывает на новгородское происхождение, по крайней мере, части писавших. В связи с этим обращают на себя внимание сделанные одна под другой надписи: «ѿ [С]ем[е]юн[о] Борисовиче» и «ѿ Гле[б]-[Бор] (исовичъ)». Семеном Борисовичем звали новгородского посадника, кратковременно занимавшего этот пост в 1219 г. и убитого в 1230 г. Под 1232 г. в летописи упоминается «Глѣб Сменовъ брат Борисович». Совпадение имен и отчеств делает довольно значительной вероятность того, что на подоконнике в св. Софии расписались именно эти известные летописи лица. Если так, перед нами свидетельство того, что собор продолжал посещаться выходцами из Руси и после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г.

Из-за ограничений, налагаемых формуляром, конкретные обстоятельства, при которых делались надписи, почти совсем не находят отражения в текстах. Единственное исключение — большая четырнадцатистрочная надпись, сделанная почерком конца XIV– начала XV в. на северо-восточной колонне в западной части северной галереи: «А се азъ Федоръ былъ о страстехъ с(в)атыхъ. А се азъ Ива(нъ) былъ о [стр]астехъ. А се азъ Кузма [былъ] еси третьи, былъ о сватыхъ страстехъ, третьи былъ. А се азъ...» (илл. 3). Граффито состоит из трех частей, каждая из которых имеет характерный актовый зачин «А се язь...». По сути, она и представляет собой акт, засвидетельствовавший пребывание трех паломников — Федора, Ивана и Кузьмы — «у святыхъ страстей». Речь, несомненно, идет о реликвиях страстей Господних, хранившихся в Константинополе и бывших одной из главных целей паломников. Из источников известно, что во второй половине XIV в. реликвии святых страстей находились в монастыре св. Георгия в Манганах, но раз в год, в великий четверг, приносились в св. Софию для всеобщего

Илл. 3. Надпись Федора, Ивана и Кузьмы.

поклонения им. Так, автор Анонимного хождения в Царьград (конец XIII — начало XIV в.), описывая внутреннее убранство собора, свидетельствует: «Оттоле поидя (от центрального входа. — Ю. А., А. Г.) мало есть доска Ноева ковчега; на той доске покладают страсти господни въ великыи четверток: губу и трость и копие. Тогда бывает сход велик крестьян со всех сторон, знаменаются страстими господними, велико исцеление бывает больным, и приходящим бывает прощение грех и от бед избавление»¹⁵. Аналогичное свидетельство

имеется у Стефана Новгородца, посетившего Константинополь в 1348–1349 гг. Упомянув о своем приходе в город в «неделю страстную», он дает следующее описание увиденного в св. Софии: «И оттоле мало пошед видехом множество народа целующе страсти господни и възрадовахомся велми, зане бо без слез не мощно приити къ страстем господним». И далее: «И ту виде нас царев болярин, ему же имя Протостратарь, и допроводи ны до страстей господних бога ради, и целовахом грешнии»¹⁶. Очевидно, ту же возможность приложиться к святым реликвиям получили и трое упомянутых в надписи на колонне выходцев из Руси.

В отношении ряда текстов можно уверенно предполагать связь их появления с визитами в Константинополь высших иерархов русской церкви. Это в первую очередь уже упоминавшиеся надписи Филиппа, стольника митрополита Киприана¹⁷, и Якова Григорьевича, писаря митрополита Герасима. В подобных же обстоятельствах, но еще в XII в., была, скорее всего, сделана и весьма необычная надпись на балюстраде западной галереи: «[А]же кото придет семо, аже не молитесь митрополиту, а горь ему [п]олу(ч)[и](ти)». Текст угрожает горем тому, кто, придя на «это место», «не молится митрополиту». Форму дательного падежа здесь нужно, по-видимому, понимать в значении молитвы *за* митрополита. Смысл граффито, таким образом, в следующем: придя под своды св. Софии, русский паломник должен молиться о своем митрополите; если же он этого не делает и просит Бога лишь о самом себе и своих близких, то получит лишь горе.

Оригинальна по содержанию и надпись на стене, ограничивающей с запада балюстраду южной галереи. Она складывается из трех частей: инвокации «Г(оспод)и Б(ож)[e]» (слева), начала азбуки «а б в г д ж» (справа) и основной надписи (в центре), в которой писавший выразил свое нехитрое заветное желание: «Патрархъ (sic!) г(оспод)ине, пожалуй ма». Совсем рядом, в южном конце западной галереи, был вход в покои патриарха; надпись мог сделать кто-то из митрополичьей свиты, ожидавшей его аудиенции.

Особую категорию русских посетителей собора представляют две надписи, также находящиеся в западной части южной галереи. Одна из них сопровождает рисунок креста на второй (считая с востока) из колонн, поддерживающих свод экседры. Она сделана в редкой для граффити технике двойного контура, почерком XIV — первой половины XV века, и гласит: «Г̄и, помози рабоу своѣму Лоуеви б̄(ѣ)гл(у)». Второй текст прочерчен неподалеку на перилах балюстрады, вряд ли позднее начала XIII в.: «[ψ] Иваново бежениво». По-

видимому, второе и третье *в* написаны вместо *к* и следует читать: «[ψ] ивано<к>о бежени<к>о». Слово *бѣжьник* ‘беглый, беглец’ не засвидетельствовано историческими словарями русского языка, но имеется у Даля (с пометой «архангельское»). В Константинополь русские люди попадали не только как паломники, дипломаты и купцы, но и тем путем, о котором сказано еще в русско-византийском договоре 944 г.: «аще ускочить челядинъ от Руси, по не же приидуть въ страну царства нашего... и аще будеть и обрящеться, да поимуть и»¹⁸.

В заключение ответим на вопрос, неизбежно возникающий при обозрении славянских надписей Константинополя: почему практически все они квалифицируются нами как древнерусские? Оснований для этого два. Во-первых, все содержащиеся в надписях географические указания, равно как и упоминаемые в них исторические персоналии, связаны с Русью. Во-вторых, при наличии многочисленных языковых и орфографических русизмов (употребления *оу* в соответствии с этимологическим *о*, *а* в значении [ja], восточнославянских рефлексов редуцированных, эффектов «бытовой» орфографии со смешением *ъ* и *о*), а также новгородских диалектных черт (цоканье, окончание *-е* в И. ед.), маркированные южнославянизмы в надписях отсутствуют¹⁹. Это дает основание считать древнерусскими и нейтральные в языковом отношении тексты.

Единственное исключение лишь подтверждает правило. На северо-западной колонне центральной части южной галереи тончайшим пишущим инструментом сделана надпись (судя по почерку, XIV–XV вв.): «+Азь писа^х Нѣнчю^и граматикъ». Формула с местоимением 1-го лица и формой аориста совершенно не известна древнерусской эпиграфике (знающей лишь формулу *Х писалъ*), но хорошо представлена в болгарской. Для южнославянской традиции характерно и слово *граматикъ* как обозначение книжного писца-каллиграфа. Ср. тождественную по формуляру надпись из скального монастыря в с. Крепча XI в.: «Азь писа Герги граммати^к»²⁰. Похоже, впрочем, что автор граффито, пользуясь церковнославянским языком в его болгарском изводе, сам не был славянином: суффикс *-ул* в имени *Нѣнчуль* позволяет предполагать его молдо-влахийское происхождение.

Полное доминирование древнерусских текстов в кириллической эпиграфике Софии Константинопольской, несомненно, отражает особую интенсивность посещения собора в XI–XV вв. выходцами из Руси. С другой стороны, отсутствие в соборе ранних болгарских надписей (при многочисленности их на территории самой Болгарии) может объясняться эллинизированной раннесредневековой бол-

гарского общества: для двуязычных болгар естественно было, находясь в византийской столице, пользоваться греческим языком, и их автографы вполне могут находиться среди многочисленных грекоязычных надписей собора.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966; *Он же.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976; *Он же.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985; *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978. Ср. опубликованные выпуски нового издания киевских граффити: *Корнієнко В. В.* Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Київ, 2009. Ч. I; Київ, 2010. Ч. II; Київ, 2011. Ч. III. Нужно, правда, иметь в виду, что нумерация надписей в этом издании, уже перевалившая за две тысячи, включает и граффити, состоящие из одной или нескольких не поддающихся прочтению букв, простые кресты, ряды черточек и проч., что создает несколько искаженное представление о реальном приращении научной информации. По нашим собственным предварительным данным, полученным в ходе подготовки нового свода граффити Новгородского Софийского собора, общее количество надписей, содержащих по крайней мере одно однозначное слово, составляет примерно шесть сотен (против 253 текстов в издании А. А. Медынцевой). См. выборочные публикации новых находок: *Мухеев С. М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. 1–2 // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2010. № 2 (40). С. 91–102; № 3 (41). С. 74–84; *Гунтуц А. А., Мухеев С. М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. 3 // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 37–57.
- 2 *Малето Е. И.* Антология хожений русских путешественников XII–XV вв. М., 2005. С. 221.
- 3 Там же. С. 297.
- 4 *Mango C.* Russian Graffito in St. Sophia, Constantinople // *Slavic Word*. № 10 (1954). С. 436–438.
- 5 *Horbatsch O.* Einige slavische Pilgerinschriften in der Hagia Sophia-Kathedrale in Konstantinopel // *Die Welt der Slaven*. 1977. № 22. S. 86–88.
- 6 *Kalavrezou-Maxeiner I., Obolensky D.* A Church Slavonic Graffito in

- Hagia Sophia, Constantinople // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 5, 1 (1981). С. 5–10.
- 7 *Алексеев А. А.* Русские граффити цареградской Софии // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. LI. С. 321–323.
 - 8 См. предыдущие публикации: *Артамонов Ю. А., Зайцев И. В.* «Аще кто поидет в Константинополе»: Русские люди в храме Святой Софии // Родина. 2008. № 7. С. 58–62; *Они же.* Новые источники о паломничестве русских людей в храм Св. Софии в Константинополе-Стамбуле // Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 20–21 октября 2008. М., 2008. С. 10–15; *Они же.* Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле // Вопросы эпиграфики. М., 2009. Вып. 3. С. 300–321; *Они же.* Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 14–17 апреля 2009. Материалы конференции. М., 2009. С. 19–29. *Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А., Зайцев И. В.* Из древнерусской эпиграфики Константинопольской Софии // Ruthenica VIII (2009). Киев, 2009. С. 227–243; *Они же.* Русские паломники «у святых страстей» (из эпиграфики св. Софии в Константинополе-Стамбуле) // Восточная Европа в древности и средневековье: Устная традиция в письменном тексте: XXII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 14–16 апреля 2010. Материалы конференции. М., 2010. С. 14–21.
 - 9 *Высоцкий С. А.* Киевские граффити XI–XVII вв. С. 25.
 - 10 При передаче текстов в квадратные скобки заключаются частично сохранившиеся буквы, в круглые — чистые конъектуры.
 - 11 Первая надпись расположена на юго-восточной колонне восточной части южной галереи, вторая — на северо-западной колонне центральной части южной галереи, третья — на третьей (слева) балюстраде центральной части южной галереи, четвертая — на последней (слева) балюстраде западной галереи, пятая — на восточной стене, ограничивающей балюстраду восточной части северной галереи, шестая — на пятой (слева) балюстраде западной части южной галереи.
 - 12 *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

- 13 Гиппиус А. А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. М., 2005. С. 11–25.
- 14 Первая надпись расположена на второй (слева) балюстраде западной галереи, вторая — на южной плоскости оконного проема восточной стены северной галереи, третья — на северном подсвечнике центральной части балюстрады западной галереи.
- 15 Малето Е. И. Антология хожений... С. 249.
- 16 Там же. С. 253.
- 17 Автор граффито со значительной вероятностью отождествляется с Филиппом, вдова которого, Федосья, обращалась в 1404 г. к митрополиту Киприану с просьбой разрешить ей жить вдовой в вотчине мужа, убитого холопами (см.: Артамонов Ю. А., Зайцев И. В. Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле. С. 27–28).
- 18 Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. С. 49–50.
- 19 Указание О. Горбача на болгарскую форму имени *Василий* в надписи «Василчо» (на перилах балюстрады юго-восточной экседры) — следствие ошибочного прочтения: в действительности надпись читается: ВАСИЛИОС (с конечным *с*, вынесенным над очерчивающей ее рамкой) и является греческой.
- 20 Popkonstantinov K., Kronsteiner O. *Altbulgarische Inschriften*. Bd. 1 (= Die slawische Sprachen. Bd. 36. Wien, 1994). S. 56–57. Приносим сердечную благодарность Т. В. Рождественской, указавшей нам на данную параллель и лично участвовавшей в прочтении этой и ряда других надписей.

Artamonov Yu. A., Gippius A. A.

Old Russian Inscriptions in the Hagia Sophia in Constantinople

The article presents an overview of medieval Slavic graffiti in Hagia Sophia, Constantinople (Istanbul). Almost all inscriptions found by now have East Slavic origin and were made by pilgrims, clerics and merchants from Rus'. About a half of them could be dated to the Pre-Mongolian time (11th — early 13th centuries). In certain cases the authors of graffiti can be identified with persons mentioned in Old Russian chronicles.

Keywords: *Old Russian, epigraphy, graffiti, inscriptions, Constantinople, pilgrimage.*